

Леонид
ЯКУБОВИЧ

Да и смокинг,
и бабочка,
сорочка,
пожалуй,
те же...

Сэмюэль
БЭККЕТ

Что будем де-
лать? Выйдем и
станем у окна в
свете звезд.

Армен
ДЖИГАРХАНЯН

Я думаю, что
профессия «ак-
тер» не имеет
«вчера»
и «завтра».

Юрий
КАРЯКИН

У меня есть три
любимые жен-
щины. В литера-
туре.

Стала недавно проверять, как мой внук уроки выучил... Математику проверил, пение, физкультуру... Вроде — нормально... Взял учебник истории — им как раз задали про Великую Отечественную войну — а там — сплошь пустые страницы! Весь раздел про войну — пусто!

Вот, думаю, бракоделы! Позвонил в типографию, стал их стыдить, а мне говорят — все правильно! Так и должно быть! Суверенные государства, на которые наша страна развалилась, оказывается, свои кусочки из общей истории СССР вытаскивали...

Я говорю:

— А как же теперь детям изучать?

А мне говорят:

— Группа ученых выпустили брошюру. И в этой брошюре они рассказывают о Великой Отечественной войне в свете теперешних событий...

Я не поленился, поехал в типографию, эту брошюру взял и узнал, что...

Что герои-панфиловцы в сугробах под Москвой разделились по национальным признакам и набили друг другу морду по алфавиту. То есть сначала отлупили армянина, потом — белоруса, потом — грузина... И так далее, до якута... И немцы их еще потом и разнимали...

Медицинские сестры вытаскивали раненых с поля боя только по предъявлению паспорта и прописки. То есть:

курские спасали курских, ярославские — ярославских...

Конструктор Микоян всю войну с дубиной в руках охранял свой самолет от летчика-испытателя Бахчиванджи. Потому что никак не мог установить, кто этот самый Бахчиванджи по национальности...

Алексей ЦАПИК

БРОШЮРА

Из Средней Азии на фронт не прислали ни одного кисте-та, ни одной пары валенок и ни единой душегрейки... Действительно, чего чужие души греть?

Узбек Рахимов наотрез отказался защищать Северную Пальмиру и ушел пешком в Ферганскую долину к своей южной Гульнаре...

Летчик Алиев бомбил исключительно отряды армянских добровольцев.

Молдованин Маринеску геройски топил исключительно корабли наших, потому что предвидел ошибочную политику Горбачевского Центра в отношении Правобережного Приднестровья...

Фельдмаршала Паулюса под Сталинградом, сколько он ни ждал, не разбил никто. Наши войска отказались смы-

кать кольцо, провели референдум и заявили Сталину, что люди разных национальностей не имеют общих корней, целей и задач...

Литовцы не позволили освобождать Вильнюс лицам некоренной национальности... И Вильнюс освободили немцы. От литовцев.

Крымские татары проголосовали против проведения Крымской конференции на земле своих предков.

Юрий Левитан о войне не обмолвился ни словом, и в тылу так ничего про войну и не узнали.

Русские Самсонов и Егоров отказались водружать Знамя Победы вместе с грузином Кантарией, а своего командира, башкира по национальности, послали значительно дальше территории будущего суверенного Башкортостана.

В Параде Победы принимал участие один Л. И. Брежнев. Я перевернул последнюю страницу и увидел внизу фамилии авторов брошюры: доктор исторических наук Дураков, профессора Туридзе, Кретьиньян, кандидат исторических наук Недоумберг, доценты Баран-заде и Дурко...

И стало мне, братцы, тошно... Я пошел на кухню, налил себе водки и — выпил. Стоя. За всех, с кем воевал, за всех, кого до сих пор люблю и помню. За тех, кого сегодня так весело иногда называют «наши бывшие наши»...

Слава Богу, что они не слышат этих наших слов!

— На торги выстав- ляется пятьсот тонн чистой меди. Начальная цена...

Интонация, с которой это произносится, волшебным образом напоминает ту, с которой телезрителей просят припомнить название города, где завершила автопробег «Антилопа-Гну». Да и смокинг, и бабочка, сорочка, пожалуй, те же... Чем дольше длится аукцион, тем больше убеждаешься в том, что основной арсенал обаяния Лены, Леонид, Леонид Аркадьевич Якубович, прежде чем появиться перед телекамерами, обкатывал в Московском аукционном дом-центре. Так что не исключено: основная работа любимца миллионов — здесь, а «Поле чудес» — хобби?

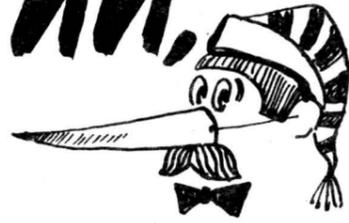
Сам Леонид Аркадьевич, со свойственной ему определенностью, считает, что да, аукционист — его работа. Хотя в списке официальных такой профессии нет... Тем не менее учредителями дом-центра стали Московский индустриальный банк, префектура Центрального административного округа столицы. Как водится, есть президент и вице-президент. Якубовича и его коллег приглашают для организации и проведения торгов те люди и структуры, которым в наше время есть что продать... Само собой, чем выше взвинтит цены аукционист, тем больший куртаж (процент от сделки) получит он сам и его фирма. Так что...

— Так что налоговой инспекции с нами трудно, — говорит Леонид Аркадьевич. — И все же, вопреки тому, что начнут здесь выискивать между строк, у меня нет ни машины, ни дачи.

Как говорил один мой знакомый, «человека небогатый, но поспать люблю»?

Этот констатирующий вопрос я, разумеется, задал мысленно, потому что считал и считаю Якубовича именно богатым человеком. В интервью московской газете «Вечерний клуб» Леонид Аркадьевич зачем-то упирает на то, что он небогат. Думается, не из-за страха перед рэкетирскими, а ради все того же экранного имиджа «человека для всех», который

ТЕНИЙ ПРОФЕССИИ, КОТОРОЙ НЕТ

ему удалось укоренить на ТВ после того, как мужик Листьев уступил свое «Поле» мужику Якубовичу. Богат — это не плохо. Богат — это хорошо, спокойно. Солидно. Впрочем, убеждать в этом Леонида Аркадьевича не стоит. Достаточно взглянуть и послушать, как этот шестидесятник ворочает в аукционном зале шестисеми-восьмизначными цифрами.

— На торги выставляется партия бензина А-93... Объем... Начальная цена... 700 миллионов, раз... 750! 750 миллио-

Незнакомку на аукцион, чтобы по возможности точнее оценить кое-какие реалии, в которых сам не силен.

— Тысяч тридцать, — сомневается Дама. — А может, и все пятьдесят. На заказ сшито. Туфли от (произносится название незнакомой мне фирмы) тысяч двадцать. Сорочка... Такие поступают по каталогу (незнакомое название). Бабочка? Ну, это не знаю... Прилично вообще-то... Носки...

Таким образом скромный гардероб Леонида

виду Прекрасной Дамы...

Проходим в служебное помещение (аукцион на этот раз проходил в Доме архитектора), минуя укромный холл, в котором, похоже, уже спрыскивают сделки.

Итог беседы плачевен. Похоже, что профессиональные тайны аукционистов соблюдают не менее свято, чем, скажем, врачи, адвокаты, следовательно, банкиры... не говоря уж о геологах из конторы глубокого бурения. Не знаю, будь у меня, как у журнала «Шпигель»,

Фото-ТВ-контакт: Иван Сивчицкий.

нов раз, 850? 850 миллионов, раз, 850 миллионов два...

— 900 миллионов! — вне себя от ужаса, вскричал ваш корреспондент.

Леонид Аркадьевич с видимым удивлением взглядывает в ту сторону, откуда он совсем не ожидал игры на повышение. Трое-четверо из сидящих в зале оглядываются на вашего корреспондента.

— 950 миллионов! — слышится сзади. Судя по голосу, мой спаситель прибыл с Кавказа.

Делая вид, что ничего особенного не произошло, незаметно прикладываю руку к сердцу. Вот это, действительно, Поле Чудес! То, что мы видим по телевизору, это так, для чудаков вроде нас с вами.

Рядом со мной сидит Прекрасная Дама. Ваш корреспондент пригласил

Аркадьевича оценен где-то около 100 тысяч рублей (не считая нижнего белья, которое не демонстрировалось).

Впрочем, считает Дама, и эта оценка весьма приблизительна. Бриллиантов на Лене, правда, не замечено, однако та же бабочка может потянуть долларов на пятьсот. Ужас, как много тысяч — по курсу! — только этот предмет туалета.

Столь основательно подготовившись, считаю себя вправе попросить аукциониста уделить вашему корреспонденту четверть часика. Самое удивительное, что кумир миллионов (телезрителей) и миллиардов (рублей) соглашается. Возможно, потому, что оценил краем глаза попытку вашего корреспондента взять штурмом миллиард. Но, может быть, и в

лишняя сотня — другая тысяча долларов, возможно, Леонид Аркадьевич и купился бы. Продав свою аукционную родину. Или хотя бы полродины. А так...

А так — гардероб, который на нем, не стоил Якубовичу ни копейки. Это — спецодежда своего рода. К вещам Леонид Аркадьевич, по его словам, относится если не брезгливо, то достаточно спокойно.

— Фигура у меня не костюмная, — взгляд в сторону Незнакомки. — Я, как видите, не спортивен... в жизни одеваю то, что мне покупают. Верней, покупала, — пауза, — жена. Сейчас все так дорого...

Такое самобичевание настолько эффективно, что вашему корреспонденту, похоже, придется уйти отсюда одно-

му. Тем более, что...

— У вас есть любимое блюдо? — врезается Незнакомка.

— Любимое... — делает Леонид свою знаменитую рекламную паузу, — любимое?

— Блюдо...

— Ах да! Блюдо. Любимого нет. Зато есть нелюбимое, — улыбка в сторону вашего корреспондента, — голубцы.

Похоже, у них уже свой разговор...

— И чем же они заслужили вашу немилость? — Незнакомка демонстрирует взгляд «в угол — на нос — на Предмет», которым владеет в совершенстве. — Эти самые голубцы?

— О, это было давно, — колеблется Якубович. — В восьмом классе удрал из школы и рванул в Сибирь. Работал в тайге. Неподдалеку случился пожар. Нас отрезало. Недели две жили как робинзоны на острове. Еда кончилась...

Здесь Якубович вчиняет рекламную паузу долларов эдак тысяч на триста, пока глаза Незнакомки не начинают влажнеть.

— Вскрыли склад, — с небольшим рыданием в голосе продолжает Леонид Аркадьевич, — а там... А там только банки с голубцами... Мы их открывали и ели. Нас отправили в больницу...

«Правильно! Есть такая буква!» — едва не вскрикнул ваш корреспондент, но Якубович, оказывается, только начал играть. Как асфальтовый каток кооператива «Строитель», он быстро, качественно и без потерь прокладывает путь прямо к сердцу Незнакомки.

— Вообще, в моей жизни было три счастливых периода... С удовольствием вспоминаю завод. Там я работал у знаменитого авиаконструктора Туполева слесарем, токарем, электромонтером... У меня руки хорошие...

Пауза. Здесь не восхищнулся бы только тупой, и ваш корреспондент восхищнулся. Отрешенно посмотрев на свои слегка растопыренные пальцы, Леонид Аркадьевич вспомнил также бытность свою в КВН, дружбу с Сашей Маслюковым, Светой Жильцовой, а также со знаменитыми капитанами — Хаитом, Гусманом...

Неправ был Антон Павлович Чехов, утверждая, что жизнь человека — это сюжет для небольшого рассказа. Жизнь Леонида Аркадьевича Якубовича на глазах начинала тянуть на роман. Соратник Туполева и Аксельрода перешел к своим литературным занятиям, которые, оказывается, тоже имели место. Хазанов, Винокур, Петросян, Задорнов, Иванов, Смолин, Коклюшкин...

— Это личности, — с грустью заключил главный сеятель «Поля Чудес». — Кстати, работают круглосуточно, почти на износ и почти без отдыха...

— Леонид Аркадьевич, похоже, тоже трудоголик, — вспоминает Прекрасная Дама, что мы здесь втроем. — Совсем как эти... японцы, кажется. А давай спросим Леонида Аркадьевича, любит ли Леонид Аркадьевич отдыхать? Да-да, так и спроси: есть ли у вас, Леонид Аркадьевич, любимые домашние дела, занятия?

— Были. Сейчас устаю очень. Это только кажется, что развлекать легко. Идет большой выхлоп энергии, юмора, мозгов. За один аукцион теряю четыре килограмма веса. На «Поле Чудес», думаю, не меньше. После этого необходим какой-то период аккумуляции...

От дома архитектора Леонид Аркадьевич убыл на «мерседесе». Не на своем. С водителем. Самое удивительное, что Прекрасная Дама осталась с вашим корреспондентом. Это точно. Я проверял.

Что касается той партии бензина, то она ушла за миллиард. Сейчас, когда вы читаете эти строки, такая партия уже стоит два миллиарда. А ведь ваш корреспондент едва ее не купил...

Марк ШКЛЯР.

В ПОНЕДЕЛЬНИК ВЕЧЕРОМ.

Мы ждали ее во вторник, но наш Чарли залаял в понедельник ночью, и мы поняли, что приехала наша тетя. Мы не виноваты, что в справочном сказали неправильно. Я лично дважды переспросила дежурную, она ответила, что поезд во вторник. Наша тетя без ноги, ей тяжело на протезе идти с чемоданом. Ночь, ухабы, сто раз споткнуться и упасть. Конечно, мы все рады, особенно Чарли, который просто зашелся в лае. Совершенно звереет от чужих людей. Мы загнали его в будку, пока тетя проходила в дом, но потом он вырвался и рванул за ней следом. Я растянулась на крыльце, пытаясь его нагнать. Чистая случайность, что он ее не покусал. Цапнул за протез, сломал зуб. К счастью, протезу это не повредило. Зато я здорово ушиблась. Чарли тоже жаль.

ВО ВТОРНИК ДНЕМ.

Тетя до сих пор рассказывает новости, раздает подарки. Медленно. Поставила перед собой чемодан и после какой-нибудь ужасно длинной новости вынимает очередной презент. Мне привезла голубое тканое покрывало. Симпатичная вещица, только я этим никогда не пользуюсь. Конечно, я не говорю тете, чтобы не обижать. Моей сестрице — розовую косынку, тоже милая вещь, но совершенно не для моей сестры. Когда тетя уедет, мы подарим ее уборщице в школе. Мы всегда дарим ненужные нам вещи уборщице, потому что та бедна и многодетна. Когда тетя начинает говорить о вещах, подарках и деньгах, мы молчим. Мы считаем это бестактным. Нельзя сказать, что к ее деньгам мы так уж равнодушны, но мы стараемся просто-напросто не думать о них. Мы всегда стараемся, чтобы наши помыслы были чисты. Но в быту тетя, откровенно говоря, скуповата. Возможно, ее приучила к этому нелегкая жизнь. Наша тетя попала под поезд и последние двадцать лет жила одна. Мы не раз предлагали ей остаться с нами, но она почему-то не соглашается.

В СРЕДУ ДНЕМ.

Тетя сходила по нашим магазинам и приволокла зеркало на подставке. Его можно вешать на стену или ставить на стол. Можно также положить в ящик. Зеркало прямоугольное, в белой пластмассовой оправе. Она попросила гвоздь, чтобы вбить в стену и повесить свое зеркало — подарок для нас, но мы восстали. Она собралась повесить его на самом видном месте, прямо над диваном. Если бы не это обстоятельство, я бы разрешила ей вбивать гвоздь куда-нибудь в нашу стену с тем, чтобы после ее отъезда вытащить щипца-

ми, осторожно подклевить обоями, но над диваном дыра от гвоздя была бы слишком заметна. Мы пока что поставили зеркало на стол, но тетя обеспокоена, что мы непременно его разобьем. Стол стоит напротив окна. Наша мама, то есть тетина сестра, первая опробовала зеркало после душа, разложив перед ним бигуди, чтобы накрутиться. Она попросила тетю накрутить ей волосы. Когда она нагнулась к зеркалу, то, в то время как тетя расчесывала ее влажные волосы, воскликнула:

— Боже мой, что это с моими щеками. У меня совершенно ввалились щеки. Боже мой, да что это такое! Все зубы у меня вставлены, а щеки ввалились.

Мы посмотрели на нашу маму, но она выглядела так же, как и всегда.

ЧЕТВЕРГ, УТРОМ.

Наш маленький брат, собираясь в

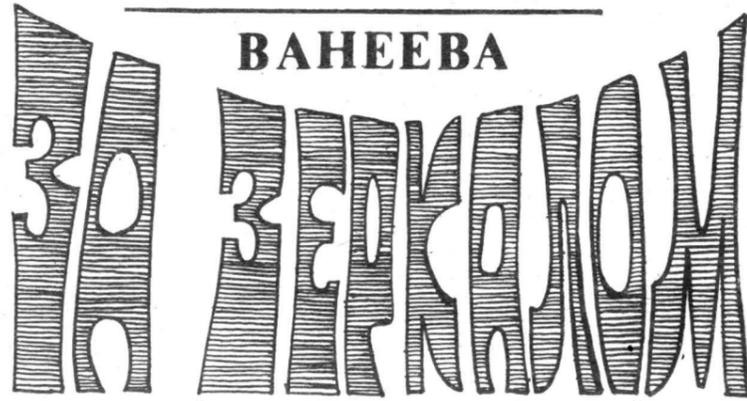
кресло с управлением. Как удачно, что живем в доме, а не в квартире, наш отец сделает ей специальный спуск с крыльца. И потом, разве она будет нас обременять? Мы непременно найдем ей дома какое-нибудь заделье. Что скажет она на то, чтобы помыть посуду или связать шарфы? Мыть посуду можно и сидя. Постепенно наша тетя успокоилась: по утрам ей очень забавно у нас. Все вылазят из своих комнат, как тараканы. Как вас много. Я к этому совсем не привыкла. Сидишь-сидишь в своей квартире одна, как сыч. Мы сказали, что привыкли к нашей шумной веселой семейственности и еще одному члену семьи будем только рады.

ПЯТНИЦА, ВЕЧЕР.

Моя сестра собирается на дискотеку. Дело в том, что тетя сходилась с ней в обувной, там как раз выбросили пластмассовые босоножки. Сестричке повезло, сестричка решила их обновить. Дискотеку в клубе по пятницам и субботам, так что музыка гремит на всю округу, жаль только, что там совершенно не с кем танцевать.

ЛАРИСА

ВАНЕЕВА

школу, ввалился в зеркало и испугался, что у него флюс. У меня флюс с обеих сторон... примчался он к нам, вытаращившись, и заявил, что в школу не пойдет, потому что надо к врачу. Мы стали ругать его, чтобы не придурился. Никакого флюса у тебя нет, нечего валять дурака, в школу опаздываешь, как тебе не стыдно... Однако, когда он расплакался, мы поняли, что всерьез. Мы подтащили его к трельяжу в спальне, перед которым обычно всегда вертятся с сестрой, и он убедился, что с его лицом все в порядке. Но после его ухода, часа через два, когда мы все собирались вставать, наша тетя вдруг не захотела подниматься. Сначала мы подумали, что она еще спит, но потом поняли, что притворяется, отвернувшись к стене. Когда наша мама повернула ее к себе, лицо тети было в слезах. Как только вторая нога у нее откажет, она повесится, чтобы не быть никому в тягость. Зашумев, мы стали ее утешать. Мама сказала, что если с тетей что случится, она сразу заберет ее к себе. Мы наперебой стали говорить, что будем возить тетю в инвалидной коляске. Купим ей передвижное

Все же сестра решила пойти единственно из тщеславия. Босоножки действительно супер. Танцевать будет одна, я знаю, и только быстрые танцы. Все медленные не оторвется от стены, даже если будет приглашать. У нас с ней независимый характер, чем и гордимся, мы умеем не обращать внимания на обстоятельства и ловить свой кайф. Собрал косметику, она вывалила ее на стол у зеркала у окна, чтобы хорошенько поработать над внешностью, как вдруг завизжала! Что с тобой, рванулась тетя из соседней комнаты, неловко переваливаясь на протезе. Моя сестра сидела перед зеркалом, закрыв лицо руками. Потом, как ни в чем не бывало, встала, очень веселая, сгрэбла косметику в сумку. Все! Объявила — никаких танцев! До самой ночи сестра сидела, закрывшись в своей комнате, включив, как обычно, магнитофон.

СУББОТА.

Сегодня необычайная жара, все отсыхают дома, одна тетя где-то пропадает. К обеду она пришла с пучком трав и цветов. Ногу растерла. Оказывается, бродила по лесу и ходила на речку — от нас недалеко, в

совершенном восторге от природы. Конечно, дачная местность, кругом пансионаты, санатории. А воздух! Тут не нужны никакие курорты, особенно гипертоникам, как наша тетя. Она спряталась за кустом, сняв протез, и загорала. Врачи советуют ей почаще держать ее половину ноги на открытом воздухе, на солнце, чтобы не болела и кожа становилась крепче. Я только однажды видела мышцу под прозрачной кожаной пленкой, как в мешочке, обвислые, дряблые. Тетя попала под поезд давным-давно, в двадцать лет, и ни разу не была замужем. А мы с сестрой уже сходили «замуж» по разу. Однако до сих пор тетя стесняется своей инвалидности.

Когда мы вышли после обеда в наш сад, то увидели, что у беседки посажен какой-то куст. Как раз на том свободном месте, где мы с сестрой хотели разводить розы. Приятно сидеть вечером в беседке, пить чай, когда вокруг тебя разливается аромат. Розы трудно разводить, мы решили не спешить, предварительно теоретически подготовиться по пособиям, познакомиться с любителями роз, вступить в их клуб, потом участвовать в выставках и так далее, чтобы уж взяться за дело как следует. Мы с сестрой не любительницы халтуры, все делаем на совесть. Но что, скажите на милость, теперь предпринять? Тетя приволокла, как выяснилось, этот кустик сирени откуда-то за километр. Она выкапывала его там руками, несла вместе с грунтом. Решила нам его посадить на память. Чтобы мы всегда вспоминали о ней, когда она расцветет. Да, забыла сказать, после обеда, прячась от жары, мы смотрели телевизор в той комнате, где пока стоит тетина зеркало, и наш отец случайно протянул руку к креслу и, взяв зеркало, повертел его и заглянул. Вот не думал, что я такой серый, удивился отец. Через пять минут он сказал, что в последнее время стал плохо себя чувствовать. А еще через десять, не досмотрев фильм, ушел подремать, положив под язык валидол. На него очень действует жара. Когда он пил, он ходил без шляпы под солнцем — и хотя бы что, а теперь, когда совсем бросил пить, проповедует новую жизненную философию, просто загибается.

В НОЧЬ С ВОСКРЕСЕНЬЯ НА ПОНЕДЕЛЬНИК.

Завтра у меня госы. Последние экзамены в институте. Но, надеюсь, не последние в моей жизни. Буду поступать в аспирантуру. Еще вчера у меня не было никаких планов, ах, эти мечты и надежды... но теперь я поняла, что далеко не красавица. Пожалуй, все-таки выйду замуж за К. Вообще, в нашей семье все далеко не красавцы. Разве что тетя. Она до сих пор выглядит. Если бы не нога. Мы искренне сожалели с сестрой на перроне, когда провозили ее вчера вечером. Она, как всегда, собралась, уехав внезапно, купив билет перед поездом.

У НАС В ПОСЕЛКЕ одни только речи и живут... И вроде по-русски говорят, а если не е поселка ты или отвык в городе от поселковой жизни, то ничего и не разберешь в их разговоре.

Вон хоть соседней взять... С утра пораньше причапают к бабушке дедко Пеша и начинают...

- Выпить бы, Дуся, надо...
- Дак выпей, Пеша, выпей...
- Дак ведь денег нет, Дуся...
- Дак ты и не пей, Пеша... Чего пить-то, коли денег нет...
- Дак ведь очень уж хочется, Дуся...
- Дак и выпей, Пеша, коли очень хочется...
- Денег, Дуся, нет...
- Дак и не пей, Пеша. Не пей...

И час они так говорят, и два, и ни усталости, ни раздражения ни у кого нет, мирно течет беседа.

— Надо бы, Дуся, выпить... — задумчиво говорит дедко Пеша.

— Дак выпей, Пеша, выпей... — благожелательно отвечает бабушка.

И только по оттенкам интонации и можно разобрать, что не стоит разговор на месте, а куда-то — только не понять, куда? — движется по всем правилам душевной беседы.

И только бабушкиной дочке — пенсионерке Александре Александровне эти беседы совсем не нравятся.

— Вот ведь собравшись две речи... — ругается

Николай КОНЯЕВ

РЕЧИ ВОЗНЕСЕНСКИЕ

она, — и говорят, и говорят. И конца разговору нет, и краю... Он ей так, а она ему по-прежнему. Вот реча-то старая... Пенсию ей государство накинulo, дак совсем спрехвостилась. Десятку у ей спросишь, а у ней никогда нету, дескать, необходимая она давать, мало ли чего ейной душеньке захочется...

— А сама тоже реча хорошая есть, — заступился за бабушку зять Александры Александровны Коля. — Шкафов вон накопупала, что проходу от них нет, весь в синяках хожу. А на кружку пива попросишь, на полдня у тебя разговоров...

— Дак залиться тебе этой выпивкой? В прошлом-то годе самовар разварил с пьных глаз. Ведь хоть в голос кричи было. И не знали, как жить дальше — такой чайный голод пристал. С чайника электрического целый месяц пили...

— Вот всегда так... — вздыхает Коля. — Я им слово, мне три. Такая нация дак... Бабка у государства на иждивении живет, теща на пенсию вышла, жена на работе не ломается, а в дом

войдешь — дак один медведь ногу-еломит, а другой вывихнет... Изведут разговором.

Сам Коля не местный. Он из Петрозаводска. Но уже освоился в поселке. Даже теща его за своего признала. Дня не пройдет, чтобы не услышать, как — Реча ты, реча... — ругается она на него. — Ну пойдешь ты, глаза-то нальешь, опять самовар с пьных глаз разваришь?

— Не разварю, мамаша, — отвечает Коля. — Я к твоему самовару и близко теперь не подхожу. От шкафов, которые ты понаставила, весь в синяках. Живого места не осталось.

— А глаза зальешь и разваришь, — говорит Александра Александровна. — Что я, не знаю тебя, реча совсем становишься, когда выпьешь-то...

В хорошую погоду окна у соседней нараспашку, всем слышно, как речи там разговаривают. И конца этому разговору нет и краю.

Но приближается вечер и, глядишь, шагает уже Коля к магазину, а следом ковыляет дедко Пеша.

— Душа... — говорит дедко Пеша. — Не труба в пещке. Вышкой ее не закроешь.

— Дак все бы ничего, — отвечает ему Коля. — Только вот шкафов понаставила...

Но все тише голоса.

Торопятся Коля и дедко Пеша к магазину.

Ненадолго тихо становится и в соседнем доме.

Только сидят на столбиках забора соседские коты, и глаза у них тускло-серые, как озерная вода.

ЛЕКАРСТВО

КОЕ-ГДЕ НА УЛИЦЕ жили опавшие листья и от этого в воздухе была горечь.

— Ты один пойдешь? — останапливаясь возле знакомого дома под шиферной крышей, спросила жена.

— Зайдем вместе, — сказал Максим Григорьевич.

Старуха уже ждала их.

На непокрытом деревянном столе стоял пузырек с сероватой жидкостью.

— Бери, милый, — сказала старуха. — Специально для тебя делала.

— Уж так и специально, — усмехнулся Максим Григорьевич. — Даже врачи не знают, чем я болен, а вы специально для меня лекарство сделали.

Он сказал так, но пузырек взял. Чего же не брать, если для этого приехал из Москвы.

— Врачи многого не знают, — вздохнула старуха. — А может, слишком много знают. А лекарство для тебя. Лекарство, если оно правильное, всегда к человеку тянется. Смотри, как порозовело у тебя. Значит, для тебя оно — правильное.

— Спасибо, — равнодушно ответил Максим Григорьевич. — Это вам за хлопоты. И он вытащил заранее приготовленную купюрку.

— Ты чего приуныл? — спросила жена, когда они шли прохладной улицей. — Болит?

— Зря мы приехали, — вздохнул Максим Григорьевич. — Возьми это снадобье.

И он протянул пузырек жене. До станции шли молча.

Остановились на перроне, ожидая электричку.

— Ой! — испуганно сказала жена. — Ты смотри, оно же снова серым стало.

Максим Григорьевич осторожно забрал у жены пузырек с жидкостью.

Повертел его. Посмотрел на просвет.

Жидкость в пузырьке была серой.

— Чертовщина какая-то, — неуверенно пробормотал он и шагнул в распахнувшиеся двери электрички.

Сев на скамейку, продолжал держать пузырек в руках.

— Он розовеет. Видишь? — тихо сказала жена.

Максим Григорьевич не ответил ей. По-прежнему сжимал он своими большими пальцами скляночку с розовой жидкостью, и лицо его было сосредоточенным и задумчивым.

— Ты как себя чувствуешь? — спросила жена, когда уже шли на вокзале к стоянке такси. — Не устал?

— Нет! — Максим Григорьевич покачал головой. — Ты знаешь, я прекрасно себя чувствую. Все-таки молодец она, эта старуха... Ты как думаешь?

— Конечно, молодец, — ответила жена и осторожно взглянула на скляночку, в которой плескалась розовая непонятная жидкость...

МЫ — ЗДЕСЬ! МЫ — РЯДОМ! НАВСЕГДА!

Реклама рекламе — рознь. Наша — не для красного словца. Не потехи ради. Она о том, что мы умеем делать, можем делать и делаем!

Ставропольский Краевой Фонд
Социальной Поддержки Населения:

А

Активно реализует товары импортного производства, продукты питания; автомобили УРАЛ-375Д (грузовые и специализированные), автомобили УАЗ любых модификаций и запасные части к ним.

Б

Будет выполнять заказы на графический и живописный дизайн; мебель по индивидуальным чертежам; производство ларьков, киосков, оформление интерьеров жилых домов, офисов, магазинов, больниц, парикмахерских...

В

Всегда ждет на работу инвалидов, способных принести пользу в швейном производстве, желающих заниматься реализацией швейной продукции (предприятие «Талекс»), пенсионеров, членов многодетных семей для стирки, глаженья и ремонта одежды.

Г

Готов обучить специалистов по ценным бумагам — для оказания помощи тем, кто социально слабо защищен, тем, кто не знает, как разместить свои ваучеры.

Д

Действует совместно со строителями — по утеплению и ремонту квартир и домов пенсионеров, инвалидов; с машиностроителями — по оборудованию шасси автомобилей УРАЛ-375 автокрановыми установками.

Е

Если к нам обратятся, поможем в оплате путевок, курсовок для лечения и отдыха членов малообеспеченных семей; звоните срочно по телефону 4-86-02.

Наши адреса: общественная приемная — 355045, Ставрополь, проспект Карла Маркса, 64 (с 10 до 15 по субботам); для корреспонденции — 355041, Ставрополь, ул. Лермонтова, 206 А.

Есть голоса и интонации, услышав которые, помнишь потом всю жизнь. **Высоцкий. Жванецкий. Копелян.** И сейчас, при прочтении этого монолога, думаю, для многих зазвучит удивительный голос Армена Борисовича Джигарханяна. **Слушайте!**

Для меня каким-то очень определяющим является слово «вдруг». Я не реалист, но думаю, что это «вдруг» многое определяет для меня. Мне кажется, что человек не всегда готов к этому «вдруг». В судьбу верю. В жизни есть некая запрограммированность. Человек сложен и многословен, но все равно судьба есть.

В жизни было много хорошего. Я уже в том возрасте, в котором больше теряешь, чем обретаешь. Были и будут еще удары судьбы, главное — быть готовым к этому.

Вожделею мы к тому, чего мы лишены. Мне, например, кажется, что во времена карет и дилижансов жизнь была более спокойной, а главное — более осмысленной. Правильно говорится в святом писании: «Во всякой мудрости много печали, и тот, кто умножает познание — умножает печаль». Мне кажется, что эта, выпавшая на нашу долю цивилизация с громадным объемом информации — духовно нас обеднила. Хорошо там, где нас нет. Надо вкусить того времени, пожить в нем.

Наше время может нравиться или не нравиться, но я в нем живу. Это — мое время! Я — частица этого времени, в нем — мои боли, радости и страдания.

Мы все время чего-то опасаемся, нас преследуют самые разные проблемы. Вначале нас пугают, потом успокаивают, потом опять пугают. Но что касается духа человеческого, то вопрос «как выжить» гораздо шире. Чем больше проходит лет, чем дольше живешь на свете, тем больше думаешь о том, как ты живешь, во что ты вкладываешь свои эмоции и силы.

Я верую — иначе просто жить невозможно.

Есть вещи, которые меня беспокоят во мне. Иногда они мне кажутся достоинствами, а иногда — недостатками. Я бы хотел быть — живым! — если можно так сказать.

Просто живым, как природа, — простите меня за такое сравнение. Но есть ли это во мне, я не знаю.

Любое событие, любая встреча, любая правда, которую я узнаю, все это толкает на размышления. Все это меняет меня или наталкивает на желание что-то в себе изменить. Я отлично понимаю, что это процесс не простой. Потому что я думаю о себе

ЧЕЛОВЕК ВОСПРИИМЧИВЫЙ

немного иначе, чем я есть на самом деле. Вообще, наверное, ни один человек себя до конца не знает.

Очень хотел бы быть врачом. Иногда вижу себя учителем в школе. Когда пытаюсь подумать, понять, почему это не случилось, то понимаю, что смотрю на это глазами моей профессии.

Я после школы сразу пошел в театраль- ный. Это уже позже появились — нет, не сомнения, скорее, соблазны.

Я же думаю, что профессия актера не имеет «вчера» и «завтра». Актерство — это только «сегодня». Если я не вру со сцены или с экрана, если я говорю о том, что меня сегодня, сейчас волнует, то это понимают и зрители.

Если говорить о кино, то у меня есть пред- ставления о том, что это плохо, а это —

сильно. Но бывает так, что через некоторое время кажется, что это не очень сильно. А в театре действует другое: пока я играю, я — живу. И не могу сказать — как и про свою жизнь, — хорошо или плохо это, останется это или нет. На сцене есть мой персонаж — и на этот момент он живет для людей.

Свою актерскую профессию я считаю настоящим чудом, поэтому чудеса со мной случались довольно часто. Правда, на сцене и на съемочной площадке. Я говорю об этом совершенно серьезно. Это когда начинается получаться нечто, что тебе самому незнакомо.

Это некое невероятное состояние духа. Хотя и обычное лицедейство — тоже сос- тавная часть этого духа.

Я, наверное, человек восприимчивый. У меня был потрясающий учитель в инсти- тUTE, я о нем всегда помню — Армен Гулакян. Я встречал очень разных и, наверно, ин- тересных людей, и это совсем не связано с их положением в искусстве или в обществе. Но я имел счастье, будучи еще совсем молодым, провести один вечер в кругу Уиль- яма Сарояна. Снимался в одной картине с Василием Васильевичем Меркурьевым — невероятно интересный человек. Пусть я помню одну-две фразы, один взгляд — но это очень много дает.

Я однажды снимался в картине, где играл кузнеца. Пригласили настоящего кузнеца, который показывал, как надо держать мо-

лот, клещи. Как бить по наковальне. Он показал нам все это — вообще, это очень трудная профессия, а потом сказал: «А сейчас делай, как тебе удобно!» А потом выясни- лось, что знание законов ремесла плюс это «как тебе удобно» — это и делает индиви- дуальность. Я не помню ни имени, ни даже лица этого человека, но его действия за- помнил на всю жизнь.

Я люблю мой дом, люблю одиночество. В своем доме я себя чувствую очень уютно. Но это совсем не означает, что у меня нет друзей, что мне не хватает общения. Сама наша профессия предполагает общение с самыми разными людьми. Но я всегда ос- тавляю за собой право на «зоны молчания». От больших и шумных компаний устаю.

Есть какие-то любимые ощущения, чув- ства, запахи. Вот их в трудные минуты и стараюсь вызвать.

Мой дом — мое счастье. Моя работа, моя профессия, моя жизнь, во всем этом — мое счастье. Вообще, думаю, что больше был счастлив, чем несчастлив.

Стараюсь не навязывать свои беды и бо- лячки другим — даже друзьям. И, как мне кажется, это создает некоторую дистанцию — человеческий воздух! — между нами. Мы любим, мы нуждаемся друг в друге, но не навязываем себя.

Есть вопросы, которые существуют только для меня. И, может быть, я не могу их точно сформулировать, но они все время со мной, они «висят» надо мной. Они очень разные: «зачем живешь?» «в ту ли сторону идешь?». И рядом самые простые — утилитарные: «чем жить?»

Одна из сложностей моей профессии — забыть о том, какое ты производишь впе- чатление. Это очень трудно. Но когда начи- нается настоящий творческий акт, случает- ся чудо — этот вопрос должен исчезнуть. Именно так я и стараюсь себя воспитывать.

Записал наш корреспондент
Валерий КУЗЬМИЧ.

«Где же моя конфетка? — Что за манера, блядь, сука... — Ну? — Ни шиша. А у тебя? — Ни шиша. — А у тебя? (лилипут ищет в ящичке) — Пусто.»

ЭТО — цитата из еще никем не виденной телепередачи «Картины жизни и творчест- ва Сэмюэля Бэккета». Корреспондент «45» был единственным журналистом на пре- зентации пятидесятиминутного видеоро- лика. «Картины» задуманы и сняты группой молодых энтузиастов объединения «Ков- чег».

В 1966 году в качестве курьеза в журнале «Иностранная литература» с соответствую- щим комментарием была опубликована пьеса никому в СССР не известного авто- ра. Несколькими годами раньше или поз- же подобная публикация была бы еще не- возможна при любом комментарии. По- пытки поставить пьесу на всем простран- стве нынешнего СНГ, насколько нам из- вестно, в течение двух десятков лет с мо- мента публикации ни к чему, кроме непри- ятностей, не привели. Хотя бы потому, что имя автора выстраивалось в скандальном по тем временам контексте имен: Джойс- Пруст-Сартр-Борхес-Хайдеггер-Гуссерль и т. п. А сам автор с момента парижской премьеры этой пьесы в 1953 году, прос- нувшись знаменитым, в возрасте 46 лет оказался папашей явления, ставшего из- вестным в определенных кругах как «театр абсурда».

В НАЧАЛЕ семидесятых ваш коррес- пондент участвовал в одной из многочис- ленных в то время попыток постановки «В ожидании Годо». На самодеятельной сцене, разумеется. Поскольку в профессио- нальном театре ни один режиссер, находясь в здравом уме и трезвой памяти, такую попытку не принял бы. Театр абсурда тогда теснее граничил с Уголовным Кодексом, чем с театроведением. Что говорить о «Годо», если вампиловский реализм, его «Утиная охота», к примеру, пробивался на подможку по хорошо пристрелянному пространству перед идеологической цита- делью. Поставили «Годо» в Минске, в же- лезнодорожном «Клубе Ильича», и режис- сером был художник по профессии Саша. Александр. Александр Матросов... Амбра-

зуру, на которую этот Матросов пытался лечь грудью, охраняла дама, некто кандидат философских либо филологических наук, присланная на сдачу спектакля управлени- ем культуры, которому стало известно о постановке по каким-то своим источни- кам.

«— Ты когда-нибудь видел мои глаза? — Нет. — И тебе никогда не хотелось снять мои очки и посмотреть? — Нет. (Смех в зале)»

К МОМЕНТУ, когда в географическом центре Европы (нынешняя республика Беларусь) шла сия идеологическая бата-

В ожидании

лия, ее виновник стал лауреатом Нобелев- ской премии по литературе, владельцем красного «Ситроена» и «Дома, который построил Годо» в одном из предместий Парижа, поэтической, прозаической и драматургической знаменитостью Старого и Нового Света, объектом разборок фран- ко- и англоязычной литератур. Скандалист и мизантроп, бывший литературный сек- ретарь Джойса и его земляк успел скон- чаться в бедности (как говорят) и безвест- ности (как считают) в доме для престаре- лых.

«ОН БЫЛ очень непослушный маль- чик». Он так и не узнал никогда, что Алек- сандр Матросов со товарищи, отстаивая свой спектакль, в качестве последнего аргумента назовут автора «Годо» коммуни- стом и что, несмотря на это, премьеры для публики так и не состоится. Но сам факт участия в этой попытке станет фактом био- графии для десятка-другого молодых людей...

КИНА не будет?

ДАВНО это было. ПРЕДСТОЯЩАЯ премьера «К а р т и н жизни и Творчества Сэмюэля Бэккета» — результат юношеской тусовки следующе- го поколения.

«— Что будем делать? Выйдем и станем у окна в свете звезд... — Нет. Один я не стал бы это делать.»

ПОДО

ИТАК, снова компашка. Было время, собирались они, человек пять, в каком-то самодеятельном зальчике и репетировали «Годо». К моменту, когда возникла идея сообразить из этих юношеских наработок нечто вроде фильма, Дима Фикс, ныне дипломник Школы драматического искус- ства Анатолия Васильева, сделал передачи о Прокофьеве, Мандельштаме, Саше Чер- ном. Максим Суханов, в свое время поли- вавший ростки интереса друзей к театру абсурда, решил стать поэтом, уехал в Аме- рики, выпустил сборник, написал диссер- тацию по русской литературе и, наведав- шись недавно на родину, убедился, что друзья тоже не теряли времени даром.

— В ПОСЛЕДНИЕ два года, — говорит один из авторов передачи Сергей Карин- ский, — мы занимались исключительно ви- део как искусством. То, что у нас получи- лось в результате, — это и не кино, и не телевидение в обычном смысле...

ДА, обычным смыслом в увиденном и не пахнет. В первых же кадрах гипсовая нога, обретшая дар английской и русской речи, произносит с британской флегмой:

«Я никогда не читал философов. Я ни- когда не понимал, что они пишут...»

В ПЕРЕДАЧЕ широко использованы фрагменты учебных работ пятикурсников Школы драматического искусства по про- зе и драматургии Бэккета, уже знакомых телезрителям по одной из передач с одно- именным названием. Их способ существо- вания в кадре не передать словами. «Собы- тие», «сенсация» — то, что приходит на ум при виде действия, в котором абсолютно никаких видимых событий не происходит. Столь же прекрасно нелогичны появления в кадре абсурдолога, русского издателя и комментатора Бэккета (единственного в своем роде) Игоря Борисовича Дюшена, с которым на равных, правда, за кадром, беседуют авторы, американского филоло- га, переводчика Тома Эпштейна, благода- ря которому Бэккет звучит с экрана на трех языках.

ТО, что вы увидите на экране TV, не ста- нет фактом массовой культуры. Сомнева- юсь, что напряжение в электросети во вре- мя демонстрации «Картин» понизится сколь-нибудь значительно. Правда, тот, кто включит свой ящик на второй программе, уже вряд ли захочет смотреть что-то дру- гое. Если даже ни фигу не поймет. Так иногда бывает, если то, что читаешь, смот- ришь — талантливо.

«Я не могу продолжать. Я продолжаю.»

Семен МАРКОВ.

В материале использованы тексты Бэк- кета, звучащие в передаче.

Договорились, что интервью будет длиться 20 минут. Оно длилось, а после случился такой диалог между Юрием Карякиным и вашим покорным слугой Валерием Перевозчиковым.

Ю. К.: — Ничего себе, двадцать минут!

В. П.: — Но вы так отвечали...

Ю. К.: — Вот, я же и виноват...

...

— Что вы цените в людях?

— Я не буду тут оригинальным... Лучше всего об этом сказал Эйнштейн — он сказал о себе: «Да, теорию относительности я какую-то придумал, еще что-то такое открыл... Но все это — чепуха. Человек оставляет на земле след либо нравственный, либо безнравственный». Хотя, наверное, эта мысль идет из Евангелия...

— А что не любите?

— Пожалуй, больше всего на свете я не люблю безделье. Не люблю в себе и в других.

— Какие человеческие недостатки вы склонны прощать?

— Как человек русский, я склонен прощать практически все. Ведь что такое «русский человек»? Это человек, который битком набит Обломовым, Рахметовым (то Обломов, то Рахметов, то на диване, то на гвоздях), для пошлости обязательно должен быть Ленский и Хлестаков. А куда без Хлестакова?! Любимый герой! Потом в каждом русском сидит Ноздрев... Просто надо внимательно читать классику — каждый из нас набит всем: от Скотинина до Собакевича — наши, все — родные...

Вот только Лужина не надо! Особенно сейчас... Да, приватизация... Да, коммерция... И кто новый герой?! Лужин?! Нет уж, пусть лучше Хлестаков будет.

— А какие вещи вы прощаете?

— Вы знаете, я сам набит столькими грехами, что когда я не прощаю (а это бывает очень редко), то тут непоследователен. В принципе, надо прощать все. А если я не прощаю, то по слабости... Не прощаю по слабости, а не по силе.

...

— Что вы цените в мужчинах?

— Мужчина должен быть дважды женат. Во-первых, на любимой работе (если он ее не нашел, то грош ему цена). И на любимой женщине. А если мужчина не женат ни на любимой женщине, ни на любимой работе, — отсюда, извините меня, всеобщее блядство.

— А что вы цените в женщинах?

— Я отвечаю так... У меня есть три любимые женщины. В литературе: Татьяна Ларина, Сонечка Мармеладова и Даша Шатова из «Бесов». Нет, еще обязательно — Лариса из «Доктора Жеваго». Так что, четыре... Они все для меня — как одна женщина.

— Ваше отношение к семье?

— По-моему, это самое гениальное изобретение человеческой природы. Это краеугольный камень жизни.

— По одному из определений, семья — это живая церковь...

— Да. Но другой вопрос — каждый должен стремиться к идеалу семьи, достичь которого, может быть, невозможно. Но без стремления к идеалу человек станет либо павианом, либо каннибалом.

...

— Что такое счастье?

— Конечно, Пушкин все понимал:

На свете счастья нет,

А есть покой и воля...

Но все же счастье — это гениальная вещь, без которой человек жить не может... И оно бывает воплощенным только в какие-то мгновения: тебя как бы стрела пронзила! Причем за мои шестьдесят лет это было раз десять — пятнадцать. Пятнадцать секунд счастья! И понимаешь это, когда теряешь.

— То есть счастье дается нам лишь в воспоминании?

— Возможно, так... Счастье в момент его осуществления — пусть иллюзорного — не воспринимается как счастье...

Счастье, вообще говоря, знаете, что такое? Вот представьте себе физиологическую и одновременно математическую картину... Вы, я, мы. Когда-то начинались, то есть нас зачинали. Но там же были миллионы мужских клеток! И они мчались наперегонки — и вот — вы, я, мы — столкнулись! Появились на свет. Вот и все. Счастье — это жизнь, абсолютно неповторимая жизнь!

— А несчастье?

— Ну, тут уж я буду последовательным... Несчастье — это рождение. Несчастны те, кто не родился.

На счастье обречено все человечество, ведь человек более неповторим, чем вселенная! Появление жизни на Земле менее вероятное событие, чем ваше рождение. Есть большое счастье, что существует жизнь, и есть маленькое счастье, что родился ты... И нечего ныть.

— Были ли вы счастливы?

— Это я, наверное, потом вычеркну, но все-таки скажу... Я был счастлив, когда умирали и выжили... Это было в позапрошлом году: четыре раза я загибался и четыре раза выживал...

Еще был счастлив, когда оказалось, что мама не умерла — а я думал, что она умерла...

Конечно, счастье связано с любовью... Когда узнаешь, что тебя любят... Но это еще — полсчастья. На самом деле, когда любишь ты.

Есть и другое счастье — тщеславно-наградное, что ли... Мне не хотелось бы быть его лишенным...

Но есть и счастье-признание... Признание того, что ты сделал — от людей, которых любишь. И у меня было такое: очень немного от Солженицына, и немножко от Сахарова...

...

— Верите ли вы в судьбу?

— Конечно. Только с одной оговоркой. Есть понимание судьбы религиозное, например, христианское. Есть понимание судьбы астрологическое. Да, предопределенность существует, но... Я не хочу, чтобы меня, как бабочку, взяли и пригвоздили иголкой к дощечке... И вот этой иголкой ты как бы пригвожден к судьбе! Оговорка в том, что человеку дана самая страшная

возможность счастья — возможность играть своей судьбой! Или иногда не принимать судьбу... Что такое трагедия? Это борьба с судьбой. Вот такое не аристотелевское определение...

...

— В какой исторической эпохе вы хотели бы жить?

— Двойной ответ на этот вопрос... Однажды меня просто поразила — ударила, как счастье! — одна мысль (вот вам еще один вид счастья — радость рождения мысли...) Так вот, у меня был такой момент счастья, когда у меня родилась такая формула: время, когда я живу, — это тоже родина. Понимаете, время — родина. С этой точки зрения ваш вопрос бессмыслен.

А в какой эпохе пожить? Прежде всего хоть немного побывать в девятнадцатом веке... Хотя бы раз увидеть Пушкина, Достоевского... Господи, да хоть одним глазком взглянуть! Поглядеть!

— Был ли у вас соблазн другой жизни?

— Не был... а всегда есть. Но только что понимать под «другой жизнью»? Вот прошел вчерашний день, прошел, почти как всегда, — хреново. И я бы с удовольствием прожил его по-другому.

Помните у Николая Островского — я его не люблю — есть

ЧТО ТАКОЕ РУССКИЙ ПАРАДОКС?

такая фраза: «Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы» (Кстати, эта мысль ему не принадлежит). А я думаю — вот дурак! За всю мою жизнь у меня было от силы десять дней, которыми я удовлетворен полностью и которые я хотел бы прожить так, как прожил. Но эти десять — двадцать — из двадцати тысяч дней, дорогой мой! Потому что когда человеку шестьдесят, ему примерно — двадцать одна тысяча дней.

И это беда. Потому что черновик я могу переделать, беловик могу поправить, а попробуйте пережить хотя бы один день!

...

— Главная черта вашего характера?

— Глупая искренность.

— Что вы бы хотели в себе изменить?

— Помните, я говорил, что мужик должен быть женат на любимой профессии... И вот в этом я бы хотел дополнить себя. Я бы очень хотел окончить факультет психологии где-нибудь в Гарварде или Оксфорде...

А изменить черты характера? Это все равно, что плевать против ветра. Тут мы все так-таки пригвождены к одной дощечке. Тут любая наша перестройка ничего не меняет... То есть я бы хотел себя дополнить профессионально, то есть провендициально, то есть призвательно...

— Кем вы бы хотели стать, если бы не стали Карякиным?

— Между прочим, могу ответить... По-видимому, я немного проиграл. Странную вещь я вам сейчас скажу: я бы хотел стать музыковедом. Причем чем больше я живу, тем больше уверен, что у меня получилось бы.

Для этого были все основания. Я в детстве немного учился музыке и был счастлив невероятно. Но этого счастья я тогда не понял — из-за слишком строгой дисциплины в семье. Во время войны мы жили в Перми, куда эвакуировался Большой театр. Я Уланову видел в одиннадцать лет! Преподаватель фортепиано у меня был

великолепный — Брауде, гениальный органист. Я помню, как играл «Вальс» Шарля Гуно при Гилельсе, который меня и облобызал... Но, так как меня заставляли учиться музыке, я ее не полюбил. А потом, когда учиться уже было поздно, я музыку полюбил. И думаю, что из меня получился бы куда лучший музыковед, чем литературовед.

...

— Но ведь то, что вы сделали, например, книга о Достоевском, — останется?

— Есть у меня шанс (а без шанса я бы не мог жить), и если я его использую, то останусь... Но это теперь зависит от меня: останется ли книга о Достоевском и мои дневники...

Вообще, каждый человек живет, чтоб остаться...

— Ваше отношение к смерти?

— Как не сразу понял, что время — тоже родина, так не вдруг я понял, что без смерти не может быть нравственности... Да, если бы не было смерти — не было бы и нравственности.

Представьте себе на секунду, что все — бессмертны, награждены полным исполнением желаний. И люди были бы обречены на испытание абсолютно всех пороков и грехов! И в один прекрасный день человечество бы взмолилось: «Господи, если ты есть — награди нас смертью!» Смерть есть граница нравственности. Без смерти не было бы нравственности.

Но с маленьким добавлением Достоевского: «Вообще-то смерти нет. Это нам дано какое-то испытание. Есть только две вещи: ад и рай. «Знаете, есть гениальное определение ада — «Ад — это неспособность любить». То есть на самом деле категории только две — «любовь и нелюбовь». А смерти нет.

— Ваше отношение к Богу? Вы уже говорили, что вы — человек верующий.

— Да. Но одновременно я еще и неверующий человек. Иногда мне кажется, что человека выдумал, сочинил, сотворил — не Бог, а дьявол. У Достоевского есть такое выражение: «дьяволов водевил». Какой-нибудь аспирантша на какой-нибудь далекой планете взяла колбу, прилетела на Землю — развел нас тут, а потом запил... И забыл проверить результат!

...

— Был ли в вашей жизни человек, оказавший на вас наибольшее влияние?

— Много таких людей было — в этом смысле я человек счастливый. Среди них отец, прежде всего. Дед. Это была такая могучая натура! Типа Тараса Бульбы.

А потом были люди, которые выше меня: Лидия Корнеевна Чуковская, Александр Исаевич Солженицын, Андрей Дмитриевич Сахаров... (Знаете, всегда можно найти людей, которые ниже тебя. А нашел ниже — значит, ты — выше. Это самый опасный иску... Иногда я думаю: неужели был знаком с Солженицыным, неужели я пользовался каким-то расположением Сахарова?!).

У меня было много учителей — молодых людей... В те времена, когда мы познакомились с Высоцким, формально он был для меня мальчишкой — но от него я получал такой мощный допинг!

Я уже не говорю о людях своего возраста: Эрнст Неизвестный, Наум Коржавин... Мне очень повезло — я был «офлажкован» хорошими людьми, иногда — просто гениальными! И даже если бы я хотел совершить какую-то нравственную неточность, пошлость, подлость — нельзя было. Я был «офлажкован».

— Верите ли вы в любовь с первого взгляда?

— Абсолютно. Все мои любви были только с первого взгляда. И все мои счастья были только с первого взгляда. А все несчастья — из-за неточности этого взгляда.

...

— Ваше любимое воспоминание?

— Это, похоже, вопрос психоаналитика... Сейчас скажу... Самое любимое воспоминание: мне пять лет, мы с мамой бродим по лесу. Она собирает землянику и ест ее. И это какой-то жуткий ужас — ведь мама не может не отдать ее мне! А она ест. Я чувствую, что тут какой-то добрый обман, но дальше ничего не понимаю. Но что-то не то. А потом мама вдруг подает мне горсть крупной земляники. А жили мы плохо, отец умер, мы бедствовали, я это уже замечал. И в этот момент я подумал — вот вырасту и куплю маме шубу.

— С вами случались чудеса?

— Да, конечно. Больше, чем мне бы хотелось. Непонятно, почему я жив, при моем образе жизни — это чудо. Меня уже не должно быть на этом свете. Были совершенно безнадежные положения — и происходило чудо — я оставался жить.

А главное чудо, повторяю, что я родился.

И еще одно чудо — это все-таки угадывание своего предназначения. Знаете, что такое талант? Есть одно ненаучное определение: «Талант — это ненависть к собственной бездарности». Нужно ее знать — собственную бездарность, нужно ее ненавидеть и научиться методике ее преодоления. И когда это происходит — тоже чудо.

...

— Круг вашего общения?

— Это просто люди, от которых теплее и светлее: Фазиль Искандер, Булат Окуджава, Юрий Давыдов, Юрий Левитанский, Алесь Адамович...

— А друзья по школе, сокурсники?

— Со школы и со студенческих лет у меня остался один друг — Лена Пажитнов... И еще одно имя — я бы хотел, чтобы оно у вас появилось — Миша Кунцев. Он из тех далеких школьных времен — удивительный человек, я его считал гениальным. Может быть, он объявится?

— Есть ли у вас любимое изречение?

— У меня два таких изречения: «Ищи не в селе, а ищи в себе». Объясняюсь. В известном отношении люди делятся на две категории. Одни, что бы с ними ни случилось, ищут внешние причины, то есть врага. А другие — винят себя, то есть ищут внутренние причины.

Я не могу сказать, что следуя этому правилу абсолютно — наверное, это и невозможно... И было бы уже гордыней.

И второе: «Не постой за волосок — головы не станет». Тут, по-моему, все понятно без объяснений.

...

— Вопрос, который вы хотели бы задать самому себе?

— Наверное, я задаю себе тот же вопрос, что и в семнадцать лет: если я явился в эту жизнь, то для чего я предназначен? Стало быть, вопрос такой: для чего я появился на свет? И даже верю, что не нашел на него ответ. И, может быть, ответ придет в самую последнюю минуту моей жизни...

Случилась беда: у нее пропала дочь...

Семнадцатилетняя Светлана гостила в Москве, у родственников, пошла в магазин и не вернулась. Мать первым рейсом вылетела в белокаменную. Сил пережить несчастье не хватило, и она ушла в забытие. И ей казалось, что она — птица и с высоты осматривает мир, напоминающий экзотическую Индию. Парила над городом, разговаривала с птицами, растениями...

Три дня врачи не могли вывести из странного состояния, в конце концов пригласили экстрасенсов. Те объявили, что она должна отдать много энергии для исцеления другого человека. Научили. Посоветовали заняться нетрадиционной медициной.

Света нашла в тот день, когда мать «пробудилась»: на подмостках станции девушка лежала, отравленная каким-то маньяком. Эмма Антоновна Погребняк тогда еще не знала о пробудившихся в ней чудотворных силах...

— Эмма Антоновна, как вы полагаете, ваш дар — наследственный или обретенный в те страшные дни?

— Полагаю, что эзотическим качеством я обладала с детства, но оно оставалось невостребованным: кто ж знал? После того случая — три года назад — я возвращалась домой поездом. В купе вошла собственная женщина, которая даже постель приготовить не могла — радикулит. Предложила ей свою помощь «Печет!» — воскликнула она, стоило моим ладоням зависнуть над поясницей. — Как рефлексор! Потом встала и — ровненько пошла!

— И вы уверовали в свои силы? Воспользовались советом москвичей?

— Знаете, еще долго сомневалась я в себе, пока не пришла в ЭНИОД-ДОН, бывший в ту пору филиалом Всесоюзного научно-исследовательского центра народной медицины. Там мне присвоили квалификацию «народный целитель». После учебы направили на трехмесячную апробацию в клиникеских условиях Ростовского мединститута. Потом прошла курс по программе управляемого медитативного аутоупражнения и биоэнерготерапии, получив свидетельство ассоциации экстрасенсов СССР о том, что я — экстрасенс-инструктор международной категории.

— Что и говорить, серьезная аттестация. А как начиналась ваша практика?

— Со сложного эпизода. Олегу не помогали никакие дорогостоящие лекарства. Он потерял интерес к жизни, работе... Я стала выжигать спички в воде — так сама придумала. И «прочитала» сле-

ды: пожилая женщина с серыми глазами. Образ сошелся с уже умершей бабушкой Олега: она была против его брака с любимой девушкой, навела, как говорится, порчу. Обнимаю парня и делаю пазы, посылаю мысль: «Большая энергия, большой поток энергии вливается в ваш организм... Хорошо работают слюнные железы, очень хочется кушать, пахнет вкусной пищей.» Пробудила у него аппетит, а со временем помогла зарубцеваться и язве желудка. Хватило мимолетного взгляда, чтобы заметить у его жены Марины воспаленные щитовидной железы. Теперь та в норме.

— И подобных фактов, предполагаю, вы могли бы привести немало. Но особенно запомнившиеся...

— Вечерний звонок. Женщина (познакомилась — Люба) плачет — причитает: «Умираю, помогите, последние дни доживаю!» Узнаю: у Любы давно не в по-

рядке желудок, и оттого все беда. Решилась попробовать еще одну нетрадиционную форму воздействия. Предложила положить... телефонную трубку на солнечное сплетение — на две минуты, стала делать пазы в микрофон и давать соответствующие установки. «У меня забурлило в желудке!» — сообщает обрадованная Люба. — Появилось жжение и тепло. И хочется есть! Позже выяснилось, что у нее и другая беда: не может ходить, ноги ледяные. Занялись лечением, теперь женщина собирается выйти на работу.

Кстати, к лечению по телефону прибегала не раз. И всегда — успешно.

— Каких принципов вы придерживаетесь?

— Чужое не перенимаю, использую то, что самой дано. Тем более что обладаю сильным биополем. А мой принцип прост: поток импульсов и благая мысль. Все! Знаю, что я — проводник космической энергии, которая исцеляет. Она же помогает отыскать больной орган.

Иногда нравится играть с облаками. Пациенту, закравшемуся глаза, внушаю: вы видите облако, оно спустилось к ногам вашим, садитесь на него; вот вы медленно отделяетесь от земли и парите! Ветер обдувает вас и снимает все болезни и тревоги. Навстречу другое облако, на нем фуэжеры с красным балластом — пейте этот напиток, он принесет вам пользу.

— А аура вам видна?

— Да. Ушел человек из помещения — вхожу и могу сказать, какой характер у побывавшего здесь. Общественный транспорт. Какая нехорошая атмосфера! Через крышу салона «впускаю» бело-голубое облако. Побыло оно с нами, и отправляю назад. Раздается хлопок, треск, и вверх устремляются

черные змейки — ленточки недоброй, злой энергии. Можно ехать спокойно. Что еще сказать о своих способностях? Могу избавить человека от алкоголизма, табакокурения, аллергии. Промониторировала своему руководителю и умение руками, глазами, «раскачивать» стоящего человека: вперед-назад. Причина все та же — сильный поток энергии. И уж не приходится говорить о том, что металлические предметы прилипают к телу.

— Вы пока замыкаетесь в Ростовском регионе? А читателей «45-й параллели» не обойдете вниманием, если они обратятся?

— Ни в коем случае! Мой домашний телефон в Ростове — 34-12-65. Звоните. Выезжаю в районы, где провожу по несколько дней, затрачивая на каждого пациента по пять-семь сеансов: диагностирую, «сжигаю» болезнь, а потом закрепляю лечение, чтоб не было рецидивов.

— В разговоре вы упомянули о порче. А еще мы слышим и читаем о глазах, вампиризме...

— Вампира распознаю без труда: провожу рукой вдоль тела и, если человек злой, гадкий, рука от него отталкивается. Не спрашиваю, как другие «чистят» порчу, но и молитв не читаю. У меня, как я уже сказала, свой прием — соспичками. Ну а детали? К чему они?

— Уж простите мое любопытство, если оно переходит границы очень личного. Вы постоянно на «коне»?

— А, так вы думаете, у меня всегда праздник? Нет, бываю бессильна порой. Приехали две семьи из района, женщины нам помогла, а 30-летнему мужчине, у которого загнут желчный пузырь, — нет. Боли исчезают только на время. У него нет полной веры в меня. Чаще всего такие неудачи нарушают душевное равновесие: я эмоциональна. Знаете, чем лечусь? С помощью гороскопа или... аквариума.

Мне же мои способности приносят пользу на...рынке: выбираю продукты без нитратов. Люблю готовить, люблю домашний уют. Продолжаю процесс самопознания: я не Бог. Работая, учусь...

Часто горюю: Господи, почему не 15-20 лет назад проявились во мне биоэнергетические возможности, почему не распознали их! Сколько б добра уже принесла людям! Если я могу помочь человеку, значит, это и Богу угодно. Особенно жаль бабушек, дедушек, детей, почти всегда лечу их бесплатно.

— Как целитель поделились, пожалуйста, нехитрыми советами и приемами лечения.

— Главное, как мне кажется, человек должен любить себя, чаще смотреть в зеркало, общаться с самим собой. Утром заряжать себя, настраивать на добро, милосердие: от этого и сам становишься чище. И — воздастся!

Простой прием: две минуты потрите ладонь о ладонь, чтоб чуточку вышла влага; поднимите их вверх — из космоса пойдут энергии. При головной боли заряженные руки положите на голову с двух сторон, создавая «плюс» и «минус». В других случаях приложите руки к больному органу, высказывая пожелание на исцеление: наш мозг, как магнитофонная лента... Мысленно представьте пораженное недугом место. Себя лечите трудно, а вот родственников — полегче.

Экстрасенсас расспрашивал Николай ВЕРЕТЕННИКОВ. Ростов-на-Дону

ПЕРВОЕ упоминание об этом чудовище, обитающем в Черном море, можно встретить в крымских легендах. Разумеется, сказки сказками, их к делу не пришьешь.

КУДА более убедительно выглядят свидетельства очевидцев, видевших этого змея с огромным хвостом на берегу под Феодосией.

«Я сначала подумала, что это бревно лежит, — рассказывает Полина Картыгина. — И подружка тоже так подумала. Идем себе по песочку, внимания на бревно не обращаем. А оно вдруг как хлестнет по воздуху — и в море только буруны пошла!»

ТОГДА, в семидесятых годах, этой историей всерьез заинтересовались местные журналисты. Были собраны уникальные материалы о крымском варианте Лох-Несса. Но сверху последовала команда: отставить! Нечего заниматься сенсациями, лучше сосредоточьте внимание на накале социалистического соревнования в честь очередной съезды. На этом все кончилось.

УЖЕ в восьмидесятых годах с морским зве-

рем встретился отдыхающий Григорий Табунов. Причем видел он его не с хвоста, а с головы! «На пляж я бегал утром, пока нет народа. Так было и в тот день. Жил я в Никите, быстро спустился к морю, разделся и бухнулся в воду. Отплыл

ЛОХ-НЕССИ у берегов Крыма?

метров двести, полежал на спине, отдохнул и только собрался плыть назад, как заметил рядом в волнах какое-то темное пятно. «Дельфин, наверное», — подумал. Какой там дельфин! Над водой показалась огромная голова. От страха я заорал что было сил и рванул к берегу. Длилось все это несколько секунд, однако увиденное я запомнил на всю жизнь. Голова у чудовища была зеленоватого цвета, плоская...»

ОЧЕРЕДНУЮ попытку привлечь наше внимание к загадке Черного моря предпринял журналист «Известий» Владимир Щербань в статье

«Встреча в пучине»: «Это случилось в Черном море во время погружения подводной лаборатории «Бентос-300». На глубине примерно 100 метров один из гидронавтов заметил, как по правому борту мелькнула длинная тень. Какое-то су-

щество, лениво извиваясь, подплыло к иллюминатору. Казалось, оно внимательно рассматривало своими выпученными глазами человека. Никто из гидронавтов прежде такого не видел. Существо напоминало огромного змея. Люди схватились за фотоаппараты. Но заснять на пленку существо не успели: оно стремительно ушло в глубину.

В МОМЕНТ встречи с таинственным пришельцем из морской пучины часть экипажа отдыхала после вахты. И вдруг с кормы долетел голос: «Чудовище!» Понятно, сонняло, как рукой. Морского змея видели капи-

тан Петр Яценко, помощник Борис Шелепо, главный механик Виктор Захаров, старший электромеханик Виктор Машинский, гидронавт Александр Королев».

ЧЕРНОЕ море искожеено судами вдоль и поперек, все выше поднимается черта сероводородного слоя. Откуда взяты в безжизненных глубинах бассейна неизвестному чудовищу? Как знать... Когда в 1960 году исследователи Жак Пикар и Дон Уолш опустились в бездну океана — на глубину 10 тысяч 919 метров, — они тоже были уверены, что там никого нет. Ведь давление воды составляло на поверхности гондолы 170 тысяч тонн. Однако и здесь были рыбы и креветки.

ЧЕРНОЕ море мы губим постоянно, сбрасывая туда сотни тысяч тонн промышленных стоков с высокой концентрацией ядов. Даже рыбной мелочи трудно выжить. Может, в один прекрасный день выплывет где-нибудь у Масандровского пляжа крымский вариант Лох-Несса и грустно скажет: — РЕБЯТА, вы что, совсем очумели?

Владимир КУКОВЯКИН

КНИГА? КНИГА... КНИГА!!!

Следите за рекламой в «45»! Еще немного — и... Ваши библиотечки пополнятся «Живой жизнью» и «Винни-Пухом»!

Удивительно органичная подборка писем у нас сложилась нынче. Они — о книгах. Тех, которые «45» издает, и тех, которые может издать. Письма наших авторов — деловые, серьезные, подчас — курьезные. Самого сердитого среди них сегодня, пожалуй, не встретить, как и самого доброго. Зато резонанс, думается, прелюбопытнейший.

«Я страстный поклонник творчества Владимира Высоцкого, а ваше издание уделяет этой теме большое внимание. Но, к моему глубокому сожалению, у нас вскоре пропала ваша газета. Когда ездил в Москву, на Ваганьково, удалось несколько номеров «45» обменять на другие материалы. Но — все равно издания не все.

У меня нет следующих номеров: «45-я параллель» — № 20, 22, 24, 25, 26 и т. д. «Круг чтения» — № 24, 25, 26 и т. д.

Если в этих номерах есть публикации о Владимире Высоцком, то очень хотелось бы их иметь.

Как дела с книгой у Валерия Первозчикова? Вышла ли она или нет? Можно ли надеяться на получение книги с авторской надписью?

С уважением, Василий ПОПОВ. Архангельская область, поселок Вычегорский.

«45»: Ну, как тут устоять?! Василию — в виде исключения — мы помогли. Но главное в другом: поклонники творчества Владимира Высоцкого! Наша фирма выпускает стотысячным тиражом книгу «Живая жизнь». Штрихи к биографии Владимира Высоцкого». Принимаем заявки на оптовые партии — не менее 1.000 экземпляров. Предоплата — 100%. Выход в свет — декабрь-92 — январь-93. Самовывоз.

«Благодаря сборку «45» Марку Шкляру прочитал ваш журнал, жаль, что он раньше не попадался.

Посылаю отрывки из будущей книги — может быть, они подойдут? Всего доброго, Петр КОШЕЛЬ. Москва.

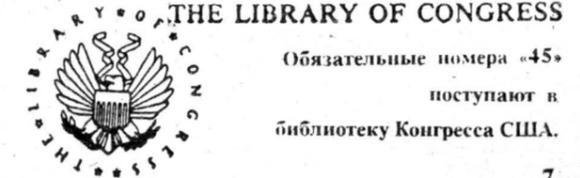
«45»: Еще как пойдут, поскольку, когда поэт милостью Божьей, каковым, безусловно, является Петр Кошель, берется за прозу, у него чаще всего получается — на уровне. Незвездно.

«Есть опасения, что ваша газета в своих интеллектуальных поисках проходит мимо пацанов и девчонок, наших с вами сыновей и дочерей. Петек и Машек, Сашек и Ксюш. А жаль. Быть может, «45» подумает и о них, пригласив ребятишкам новогодний — воистину Дед-Морозовский подарок?!» Анна СНЕГИРЕВА. Ялта.

«45»: Как говорится, Анна играла и... угадала все буквы. Впервые знаменитый медвежонок Винни-Пух пожелает к вам в гости в такой солидной компании — всех-всех своих шумелок, сопелок, пыхтелок, вопилок, etc. AO «45-я параллель» по договору с автором-переводчиком Борисом Заходером выпускает книгу «Винни-Пух и Многое другое». Заявки готовы принять! От 1.000 экземпляров и далее везде. Декабрь-январь — на носу. Спешите. Спешите. И — не пожалейте! Ибо — твердый красочный переплет плюс сорок иллюстраций внутри книги.

ПОСЛОЖЬ НА

Учредители — Ставропольский фонд культуры и группа граждан России. Главный редактор Сергей СУТУЛОВ. Регистрационное удостоверение Мининформпечати России № 1499. Офис: 355045, Ставрополь, ул. Суворова, 1, тел. 3-18-94. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке ссылка на «45» обязательна. © АО «45-я параллель» Издательство «Ставропольская правда» 355045, г. Ставрополь, ул. Спартака, 8. Подписано в печать 8.12.92. Заказ № 1622.

Обязательные номера «45» поступают в библиотеку Конгресса США.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТУРИСТИЧЕСКОЕ АГЕНТСТВО «ПЕНТОС ТУРС ЛИМИТЕД»

предлагает авиабилеты на комфортабельные рейсы по маршруту Минеральные Воды — Афины — Минеральные Воды с высококлассным обслуживанием.

Вы сделаете правильный выбор — цены самые низкие в СНГ

2 РЕЙСА КАЖДЫЙ МЕСЯЦ

ТУРИСТИЧЕСКИЕ ПУТЕВКИ В ГРЕЦИЮ на 7 дней:

— увлекательный отдых, ласковое солнце, памятники Древней Эллады, национальный фольклор и кухня, пребывание в великолепных отелях в центре Афин и на побережье. Оплата смешанная, для групп предоставляется скидка. Гарантируем качество обслуживания. Звоните нам сегодня — 8/86531/ — 3-19-96. НАШ АДРЕС: 357310, Ставропольский край, Минеральные Воды, улица Карла Маркса, 73.

ЛИЦО РОССИИ

Какое оно, лицо нынешней России, не плакатное, не телевизионно-рекламное, живое ее человеческое лицо?

Отразить историю России в лицах, создать коллективный портрет Отечества — такой идеей задались московская издательско-коммерческая фирма «Обскури вири» и популярный журнал «Дружба народов», объявив необычный конкурс фотографий «Лицо России».

О том, как возникла эта идея, рассказывает директор фирмы «Обскури вири» Александр Малюгин:

— Все очень просто. Как-то раз я листал старый альбом своих «пра-пра» и заметил такую важную деталь: время, в которое они жили, оставило на их лицах неизгладимый и очень точный отпечаток духа эпохи. Я далек от того, чтобы противостоять этим лицам наших современников, но какие-то изменения, согласитесь, все же произошли. Доказать или опровергнуть это, а в общем отразить нынешнюю Россию в лицах простых людей и призван наш фотоконкурс.

Конкурс в своем роде уникальный — в нем могут принять участие не только фотографы-профессионалы, но и любители, а главное — жюри конкурса «Лицо России», в которое согласились войти известные режиссеры, актеры, писатели: Станислав Говорухин, Анатолий Приставкин, Александр Кайдановский, Клара Новикова, Андрей Харитонов и другие. Их будут интересовать не кукольные фотогеничные личики или мужественные римские профили, а лица-открытия.

По результатам конкурса, который предположительно закончится к 1 марта 1993 года, мы намерены провести фотовыставку и издавать фотоальбом «Лицо России», будут определены и победители, которых ожидают различные денежные призы.

Для участия в конкурсе вы должны отобрать свои самые удачные фотоработы и переслать по адресу: 121827 ГСП Москва, Г-69, улица Воровского, 52, редакция журнала «Дружба народов», фотоконкурс «Лицо России».

Спешите! Фотографии принимаются до 1 марта 1993 года.

СНАЖКА

watches
HIGH QUALITY AND ELEGANT DESIGN

Часы
ЧАЙКА

ЭТО КАЧЕСТВО И ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ ДИЗАЙНА

Оптовая продажа шикарных часов

ИЗ СТАРГОРОДА УГЛИЧА

по смешным ценам.

ТЕЛ. В СТАВРОПОЛЕ 3-18-94

ЖИЛЬЕ

в Смоленской области

Первичная эмиссия Опциона на право получения жилья. Всего через 8 месяцев по ценам сегодняшнего дня.

Корректировка цен два раза в месяц.

Покупайте сегодня — завтра будет дороже.

Вложения в недвижимость — самые надежные в условиях непрогнозируемой инфляции.

Справки по тел. (08100) 3-13-40, 3-96-60, 3-90-96.

Факс/автоответ 3-90-96.

214000, г. Смоленск, пр. Гагарина, 10/2.

ДАЛЬ АГРОПРОМЭЛЕКТРО для вашего дома и фермерского хозяйства

Системы жизнеобеспечения для отопления индивидуального дома любого типа и конструкции: СЖ-1×16/3 и СЖ-2×16/3; СЖ-8×0,75/1 и СЖ-12×0,75/3.

Электроподогреватели для обеспечения горячей водой санитарно-гигиенических и хозяйственных нужд в системах горячего водоснабжения в быту и хозяйственном производстве: ЭВАН — 100/1,0 и ЭВП — 25/380.

Электрорадиатор ЭРГНТ-0,75/220 для обогрева закрытых помещений бытового, подсобного и хозяйственного помещений.

Наши системы экономичны, надежны и высокостепенно безопасны! Просты в монтаже и эксплуатации. За невысокую плату вы обеспечите себе максимум удобств и комфорт жилья.

Системы можно заказать в единственном экземпляре и любыми партиями.

Контактные телефоны в Хабаровске: 33-92-68 и 33-55-04.

Наш адрес: 680063, Хабаровск, улица Карла Маркса, 65.